

РАЗДЕЛ II ФИЛОСОФИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ОБРАЗОВАНИЯ

Part II. PHILOSOPHY OF DEVELOPMENT OF SOCIETY AND EDUCATION

Философия образования. 2025. Т. 25, № 2
Philosophy of Education, 2025, vol. 25, no. 2

Научная статья

УДК 1:316+30

DOI: 10.15372/PHE20250204

EDN: NSISKC

Кризис современной эпохи: новая идентичность как механизм обеспечения гомеорезиса социальной системы

Конфисахор Александр Григорьевич¹, Плебанек Ольга Васильевна²

¹Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, aleksandr@konfisakhor.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7880-104X>

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

Аннотация. *Введение.* Разрыв между натуралистическими атрибутами человека и конструктивистскими идентичностями создает проблемы в регулировании социальных процессов и вызывает закономерную тревогу в научном и политическом сообществе. Негативные стороны этого явления – появления искусственных идентичностей – требует анализа. Отношение к этому феномену находится в зависимости от выявления места процесса самоидентификации в функционировании социальной системы. Тем более важным становится разработка теоретических основ анализа идентичности в контексте реформирования и разработки программ образования. *Методология.* Современная научная парадигма предполагает рассмотрение общества как саморазвивающейся системы, то есть имманентно способной к переформатированию собственных структур. При этом большое место в формировании концепций социальной динамики отводится принципу телеологичности, не только допускающему, но и предполагающему невозможность исключения наблюдателя – значительную роль познающего субъекта, человека, в конструировании реальности, в которой он существует. Общие принципы постнеклассической парадигмы науки в социальном знании получили воплощение в ряде концепций. В исследование феномена множественной идентичности положены концепции автопозиса Матураны и Варелы, закон разнообразия Седова-Эшби. *Обсуждение.* На основании законов функционирования саморазвивающихся систем и соотнесения их с социальной динамикой сделан вывод о необходимом и закономерном появлении конструктивных и множе-

ственных идентичностей, становление которых связано с необходимостью формирования качеств личности, конгруэнтных новым реалиям. *Заключение.* Феномен множественной самоидентификации является элементом механизма гомеорезиса социальной системы, позволяющей преодолеть кризисную ситуацию и сохранить устойчивую траекторию развития в неустойчивой реальности. Законы функционирования саморазвивающихся систем указывают на необходимость сохранения структурообразующих элементов системы, что предполагает сохранение фундаментальных идентичностей. В связи с этим особую роль играет система образования, которая является одним из важнейших средств осуществления идентитарной политики.

Ключевые слова: множественная идентичность, конструктивная идентичность, гомеорезис социальной системы, идентитарная политика, социум, система образования

Для цитирования: Конфисахор А. Г., Плебанек О. В. Кризис современной эпохи: новая идентичность как механизм обеспечения гомеорезиса социальной системы // Философия образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 51–67. DOI: <https://doi.org/10.15372/PNE20250204>

Scientific article

The crisis of the modern era: a new identity as a mechanism for ensuring the homeoresis of the social system

Alexander G. Confisakhor¹, Olga V. Plebanek²

¹A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, aleksandr@konfisakhor.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7880-104X>

²Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

Abstract. *Introduction.* In modern scientific discourse and in the space of mass media, the narrative of identity occupies an increasingly important place. The gap between human naturalistic attributions and constructivist identities creates problems in regulating social processes and causes legitimate concern in the scientific and political community. The negative aspects of this phenomenon – the appearance of artificial identities – require analysis. The attitude towards this phenomenon depends on the identification of the place of self-identification process in the the social system functioning. *Methodology.* The modern scientific paradigm presupposes the consideration of society as a self-developing system, that is, immanently capable of reformatting its own structures. At the same time, a large place in the concepts formation of social dynamics is given to the principle of teleology, which not only allows, but presupposes the impossibility of excluding the observer – a significant role of the cognizing subject, a person, in constructing the reality in which he exists. The general principles of the post-non-classical paradigm of science in social knowledge have been embodied in a number of concepts. The study of the phenomenon of multiple identity is based on the concepts of autopoiesis of Maturana and Varela, the Sedov-Ashby diversity law, and a systematic approach in psychology developed by a number of Russian authors (for example: Hansen, Gorbatenko, Lomov). *Discussion.* Based on the laws of functioning of self-developing systems and their correlation with social dynamics, a conclusion is drawn about the necessary and natural emer-

gence of constructive and multiple identities, the formation of which is associated with the need to form personality qualities congruent to new civilizational realities. *Conclusion.* The phenomenon of multiple self-identification is an element of the homeoeresis mechanism of the social system, which makes it possible to overcome a crisis situation and maintain a stable trajectory of development in an unstable reality.

Keywords: multiple identity, constructive identity, homeoeresis, identitarian politics, society, education system

For citation: Confisakhor A. G., Plebanek O. V. The crisis of the modern era: a new identity as a mechanism for ensuring the homeoeresis of the social system. *Philosophy of Education*, 2025, vol. 25, no. 2, p. 51–67. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250204>

Введение. Распад Советского Союза и падение системы биполярного мира сделали очевидными глубинные изменения социального бытия, порожденные очередной волной глобализации. Макроструктура социальной системы, существовавшая с позднего Средневековья и раннего Нового времени – национальное государство – в эпоху постмодерна стремительно стала уступать место новым организационным структурам. Изменения происходят не только на макроуровне социального бытия, но и на уровне самоидентификации: в современном мире человек не только испытывает неустойчивость своего положения, но и стремится переступить через границы социальных страт, ролей, статусов, гендера и других форм идентичности. Нестабильность социальной структуры современного общества порождает множество проблем, которые не могут быть решены вне исследований самого феномена идентичности: его происхождения, механизмов формирования, функций. Обнаружение той роли, которую выполняет самоидентификация в процессе функционирования социальной системы и в период фазовых переходов в новое состояние, вызвало появление нового направления регулятивно-управленческой деятельности – идентитарной политики. Совершенно очевидно, в силу того, что основные виды идентичности закладываются в период получения профессиональных компетенций, одним из главных проводников идентитарной политики должна стать образовательная система.

Методология. Динамичный, многоаспектный, многоуровневый характер идентичности заставляет искать ее природу в системных процессах социального бытия, а само социальное бытие в современной научной парадигме принято помещать в поле автопоэтических (саморазвивающихся) процессов. Концепция самоорганизации, которая получила название автопоэзиса, была предложена в последней четверти XX в. Авторы этой концепции, нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела, вскрыли механизм функционирования и усложнения живых организмов, суть которого афористично была выражена в книге «Древо познания» и заключалась в том, что «жить означает познавать (жить означает совершать эффективные действия в об-

ласти существования в качестве живых существ)»¹. В своих рассуждениях чилийские нейробиологи приходят к утверждению, что «живые системы – это когнитивные системы, а жизнь как процесс – это процесс познания [1]. Это утверждение справедливо для всех организмов, с нервной системой или без нее². Исходя из этого посыла, они также дают объяснение появлениям культуры и социальной организации, и частное приложение их концепции логично было бы назвать когнитивной концепцией социального бытия.

Концепция автопоэзиса позволяет дать объяснение: каким образом возникает культура как способ обеспечения жизнеспособности популяции (организмов) посредством сопряжения биологических форм эффективно-го действия (познания) и искусственных (обретенных, сконструированных) форм эффективного действия [1–5]. Человек с этой позиции представляет собой вид, обеспечивающий свою жизнеспособность посредством надындивидуальных когнитивных систем, выполняющих функцию обнаружения и предотвращения рисков, формирования стратегий взаимодействия с натуральной и социальной действительностью, организации социальных взаимодействий и интеграции индивидов. Культура в этой концепции представляет собой надындивидуальную когнитивную систему, обеспечивающую гомеорезис популяции.

Понятие гомеорезиса ввел в науку английский биолог К. Х. Уоддингтон (Стратегия генов, 1957); в отечественной биологии этот термин внедрил И. И. Шмальгаузен³. Очевидное единство процессов самоорганизации сложных систем заставляет применить его к социальной динамике [6]. *Гомеорезис социальной системы* – способность процесса сохранять траекторию при неустойчивости параметров внешней среды и колебаниях внутренних состояний социальной динамики (концепция автопоэзиса Матураны и Варелы) обеспечивается когнитивными механизмами. Соответственно, когнитивные механизмы обеспечивают и устойчивость человека в неустойчивом мире.

Концепция автопоэзиса релевантна современным знаниям о возникновении и эволюции нервной системы и человеческой психики. Все более сложные нервные системы, в том числе и человеческая психика, начиная от прото-нервных систем у простейших организмов и ганглиозных систем у моллюсков до центральной нервной системы высших организмов, формируются в процессе расширения среды обитания, увеличения объема необходимой информации для выживания и усложнения в связи этим способов обработки информации. В современной психологиче-

¹ Матурана У. Р., Варела Ф. Х. *Древо познания: монография*. М.: РГБ, 2008. С. 154.

² Maturana, Humberto R., Varela, Francisco J. (1980). *Autopoiesis and Cognition*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Humberto_Maturana (дата обращения: 03.09.2024).

³ Шмальгаузен И. И. *Кибернетические вопросы биологии*. Новосибирск: Наука, 1968. 223 с.

ской науке уже достаточно укоренился системный подход (В. А. Ганзен⁴, А. С. Горбатенко⁵, Б. Ф. Ломов [7], В. А. Барабанщиков [8], А. А. Грачев [9], А. И. Крупнов, А. А. Митькин [10]), который предполагает уровневое строение сложных объектов⁶. Уровневое строение психологии человека в ее биологических детерминантах важно и проявляется только в социальных взаимодействиях: лидерство, альтруизм, коммунитарность или моббизм и т. д. [11], что является результатом освоения более разнообразной и сложной среды и необходимости взаимодействия со все более многочисленными группами и все более глубокой спецификацией [12; 13].

Обсуждение. Законы функционирования сложных саморазвивающихся систем предполагают не только классическую детерминацию – влияние субстрата на дериват (биологических, нейрофизиологических факторов на высшие функции психики), концепция которой во многом определила раннюю парадигму психологии, но и вертикальную обратную детерминацию – все возрастающее значение в функционировании целого и нижних уровней организации верхних регулятивных структур, возникших в процессе усложнения и самоорганизации. Эта закономерность получила теоретическое обоснование в общей теории систем⁷, кибернетике [14], теории саморазвивающихся систем⁸ [15; 16], в нейробиологии [1]. В психологии влияние высших психических функций на соматические состояния является эмпирически наблюдаемой реальностью, в медицине выделяется класс психосоматических расстройств, а в терапии используется эффект плацебо и суггестии.

С позиции концепции автопоэзиса (или когнитивной концепции социального бытия) специфика человека заключается в том, что социальное бытие имеет рекурсивный характер. Это означает, что «как человеческие существа мы обладаем только тем миром, который создаем вместе с другими людьми»⁹. В силу того что, с одной стороны, *Homo sapiens* занял все имеющиеся на планете экологические ниши (вследствие культурной адаптации), с другой стороны, именно вследствие аллопластической адаптации человек конструирует среду обитания, к которой вынужден также адаптироваться. Усложнившаяся среда обитания, с которой приходится взаимодействовать, прежде всего, требует реконструкции когнитивного аппарата – всего

⁴ Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984. 176 с.

⁵ Горбатенко А. С. Системная концепция психики и общей психологии. Ростов н/Д: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. 106 с.

⁶ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. М., 1969. С. 30–55.

⁷ Там же.

⁸ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. М.: Прогресс, 1994. 266 с.; Аршинов В. И. Когнитивные стратегии синергетики

⁹ Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Древо познания: монография. М.: РГБ, 2008. С. 217.

комплекса когнитивных механизмов, задействованных в регулировании отношений со средой, естественной, технико-технологической и социальной. Однако чем более сложной становится среда, тем она более мозаична. Пространственно-временные стабильные локусы требуют формирования определенного набора когнитивных и организмических качеств и свойств. Так, скотоводческие племена распространили в евразийской популяции специфический ген переносимости лактозы, что позволило расширить пищевой ресурс и широко расселиться на континенте; рецептурный характер ремесла – необходимость точной дозировки и алгоритмичность деятельности – спровоцировал формирование номологической картины мира и рациональный модус мышления у древних греков¹⁰ [17].

Вместе с тем усложнение социальной структуры общества, включенность индивида в сеть социальных взаимодействий требуют от человека рефлексии самого себя – определения своей «самости» self и положения себя по отношению к Другому. Рефлексия себя и своего положения в обществе возникает вместе с обществом (а возможно, еще и в общине [18]), но концептуализация этого самоощущения, выражаемого в понятии идентичности, хотя и восходит еще к Дж. Локку¹¹, связана с разработкой в 1960-х гг. ролевой теории общества П. Л. Бергера (см.: [19]) и публикацией Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис»¹², в которой понятие идентичности уже выведено в заглавии. Интерес к проблеме самоопределения человека и возникновение ряда концепций идентичности не случайно возникли в середине XX в. Социальные катаклизмы середины XX в. (Холокост и фашизм, события 1968 г.) поставили в фокус социальных (и гуманитарных) наук проблему исследования механизмов сохранения устойчивости личности в неустойчивом мире.

В этом контексте идентичность, которая представляет собой комплекс характеристик, признаков и качеств, определяющих человека или группы людей, источником не столько имеет онтологическую данность, сколько представляет собой результат когниций. На ранних этапах становления человеческого общества, когда в основе объединения людей находились кровнородственные связи, основной формой идентичности была половозрастная. Э. Эриксон определяет этот уровень идентичности как индивидный, который, возникнув в филогенезе, сохраняет свое значение на определенном этапе онтогенеза¹³. Представители иных общин не входя-

¹⁰ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.

¹¹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 78–582.

¹² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.

¹³ Там же.

ли в систему безопасных отношений и рефлексировались как Другой в значении «чуждый».

Расширение социальной системы за пределы кровных связей вызвало появление новых форм идентичности – племенной, клановой, что было обусловлено необходимостью сплочения больших масс людей для обеспечения безопасности популяции. Этот уровень идентичности Э. Эриксон определяет как персональный, и, по Э. Эриксону, он отражает уникальность жизненного опыта индивида, добавим: отражает вписанность индивида в непосредственные социальные связи и взаимодействия. В филогенезе этот тип идентичности становится возможен и необходим только тогда, когда для эффективного функционирования как самого человека, так и общества в целом становятся важны не столько неизменные стороны его самости (видовые и половозрастные), сколько те стороны его личности, которые делают его неповторимым и необходимым обществу в силу его уникальности. Эриксон помещает формирование этого уровня идентичности в период юности, когда формируется Я-идентичность – осознание своей особенности, отличия от себе подобных. На первый взгляд появление Я-идентичности противоречит племенной, клановой и т. п. идентичностям. Но функционально, как в филогенезе – клановая идентичность, так и в онтогенезе – персональная идентичность представляют собой акт осознания своей роли в функционировании целого, своего места среди себе подобных.

Выход социальной системы за пределы племенных, этнических, лингвистических границ инициировал формирование нового консолидационного инструмента – мировых религий, что на первое место выдвинуло религиозную форму идентичности, обеспечивающую сплочение макрообщностей. Макрообщности – цивилизации – стали более эффективной организационной структурой, обеспечивающей безопасное существование людей. При этом ранние формы идентичности продолжали не только существовать в пределах цивилизаций, но и доминировать в незападных культурных кругах, где сохраняли свою актуальность ранние формы хозяйства.

Зарождение индустриальной технологии, начиная с позднего Средневековья и Нового времени, потребовало иных сопряжений индивидов – начала складываться национальная идентичность. Ключевым фактором формирования национальной идентичности стали капиталистические отношения, которые включали экономическую интеграцию, единую лингвистическую среду, централизованное управление. Национальное самосознание – доминирование национальной идентичности – способствовало повышению эффективности западной мир-системы в геополитическом пространстве (см.: [20]), повышая уровень организованности популяции. И в отличие от клановой или племенной идентичности, национальная идентичность не имеет корней в натуральной реальности, она имеет конструктивное

содержание и является порождением индустриальной технологии и социальным конструктом (Б. Андерсон (см.: [21])).

В этом контексте подмеченная П. Рикером¹⁴ особенность феномена идентичности – то, что она не дана человеку непосредственно как непосредственное самоощущение и самовосприятие, вполне объяснима с позиций концепции автопоэзиса – она возникает в процессе когниции, осмысления свойств системы, в которую включен человек (во всем ее объеме) и своих качеств и свойств, позволяющих ему существовать в ней. Рикеровская концепция повествовательной идентичности, по сути, является когнитивной концепцией идентичности, так как идентичность, по Рикеру, представляет собой процесс проговаривания окружающим и самому себе своих отличительных свойств, в ходе которого и формируются желаемые качества личности или воображаемые качества переходят в разряд актуальных. Идентичность, таким образом, представляет собой сам процесс рекурсивной когниции, посредством которой человек вписывает себя в социальную систему, «дописывая» свойства и качества самого себя в целях более эффективной деятельности. Российский исследователь идентичности М. В. Заковоротная также понимает идентичность как рекурсивную когницию: «идентичность <...> процесс становления человека на основе выбора и формирования жизненной модели в социальном взаимодействии во имя исторической самореализации»¹⁵.

Однако, если справедливо то, что культурная идентичность – это процесс адаптации личности к социальной и культурной среде, то верно и то, что смена среды будет порождать новые идентичности, а нестабильная среда будет порождать множественные идентичности. Адаптация к сложной, динамичной, многоуровневой среде требует формирования идентичности, получившей в современных исследованиях интерпретации множественной, многоуровневой, текучей и даже диффузной и сетевой идентичности [22]. Эти формы идентичности стали ответом на процессы глобализации.

На смену натуралистическим, фундаментальным идентификациям приходит новая идентичность. Подобно тому, как в эпоху нацистроительства идея нации стала ресурсом для достижения целей политических элит, конструируя общности [21], в эпоху глобализации «идентичность становится инструментальным концептом, своего рода проектом, меняющимся элементом повседневности, а не онтологическим понятием» [22, с. 243].

¹⁴ Рикёр П. Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика: московские лекции и интервью. М.: КАМІ, 1995. С. 19–37.

¹⁵ Заковоротная М. В. Идентичность человека (социально-философские аспекты): дис. ... д-ра филос. наук. Ростов на/Д, 1999. С. 49.

Современный мир находится в состоянии перехода от индустриальной культуры к цифровой цивилизации. Информационная технология для эффективного функционирования требует и соответствующей социальной организации: подвижности и прозрачности социальных границ, открытых каналов социальной мобильности, так как устойчивость этой системы обеспечивают непрочные корпоративные связи (сословное общество), и не концентрацию материальных ресурсов (капитал), а когнитивные качества и свойства индивидов безотносительно их гендерных и иных натуральных качеств и свойств. Для успешного функционирования цифровой технологии социальная система должна быть организована таким образом, чтобы обеспечивать своевременное рекрутирование из всех слоев общества индивидов, обладающих необходимыми интеллектуальными компетенциями.

Очередной виток глобализации (в современной теории глобальных процессов и глобализации ситуация конца XX – начала XXI в. определяется как четвертый этап глобализации [23]) вызвал процессы универсализации, стандартизации и гомогенизации общественного бытия. Однако теория саморазвивающихся систем не допускает существования масштабных однородных и упорядоченных объектов – такие объекты дезорганизованы и не способны противостоять деструктивным процессам; законы самоорганизации запускают противоположно направленные тенденции, упорядочивающие и организующие систему. Поэтому в последней четверти XX в. стали проявлять себя процессы нативизации (которые противостоят универсализации и адаптируют инокультурные элементы в коренную культурную среду), индигенизации (которые включают в себя ревитализацию и восстановление культурной идентичности), этнизации (этнической демаркации и этнического конструирования) и суверенизм (ориентация на саморазвитие и независимость).

Реакцией на гомогенизирующие тенденции стал идентизм – парад идентичностей. Меньшинства всякого рода имели место в любой общественной системе, но сейчас декларируются идентичности, никак не связанные с натуральными качествами и свойствами личности – множественный пол (не только третий), мультиперсональная личность, квадерберы и т. д. В современном обществе человек утрачивает не только связь с натуралистичными идентичностями и связанными с ними моделями социальности – возникают идентичности-конструкты, но и утрачивает целостность и однозначность социального пространства – человек вынужден существовать одновременно в разных социальных контекстах, формируется множественная, уровневая идентичность. Человек одновременно (или последовательно) вынужден приписывать себе качества и свойства, следовать моделям поведения в зависимости от текущей интеракции, которая может требовать от него противоположных целей, способностей, компетенций. Он вынужден зачастую осознавать себя представителем

цифровой цивилизации, следовательно, культивировать в себе западные личностные качества (индивидуализм, предпринимательство), при этом он может принадлежать мусульманской общине (что будет входить в противоречие, например, с коммунитарностью), быть отцом семейства, но при этом работать с женской командой и учитывать гендерный аспект взаимодействий, отождествляя себя с коллективным субъектом. И таких вынужденных идентичностей может vs должно быть много.

Как кажется, размывание границ социального субъекта – сосуществование в одной личности различных идентичностей, а также разрыв с естественными основаниями субъектности увеличивает неустойчивость социальной системы и нивелирует упорядоченность, увеличивая уровень хаоса. На эту же закономерность уже указывали исследователи (см., напр., В. Е. Хиценко¹⁶, С. В. Цирель¹⁷ и др.), ссылаясь на закон Седова – Эшли¹⁸, при интерпретации которого применительно к социальным системам с подачи А. П. Назаретяна, был сделан акцент на деструктивной стороне роста разнообразия. В его интерпретации закон получил следующую формулировку: «В сложной иерархической системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и, наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне (иерархии) *разрушает верхний уровень организации*» (курсив наш. – О. П., А. К.) [24, с. 183]. Простыми словами, относительно решения нашей проблемы идентичности это означает на первый взгляд, что чем больше разнообразных идентичностей личности, тем более неуправляемой становится макросистема. Однако суть этого закона в существовании механизма компенсации, который опирается на принцип необходимого разнообразия, сформулированный одним из основоположников кибернетики У. Р. Эшби [25]: «В сложных системах, состоящих из иерархически организованных подсистем, недостаток разнообразия на одном уровне *компенсируется увеличением разнообразия на другом уровне*» (курсив наш. – О. П., А. К.).

Процессы глобализации, имеющие объективную, социально-технологическую природу, находят свое выражение в стандартизации, унификации и универсализации социальных институтов и культурных моделей. Излишняя унификация, связанный с этим режим ограничений и подавления разнообразия приводят к жесткости социальной организации, что, в свою очередь, имеет следствием неспособность социальной системы реагировать

¹⁶ Хиценко В. Е. Феномен социальной самоорганизации. URL: <https://spkurdyumov.ru/есопоту/fenomen-socialnoj-samoorganizacii/> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁷ Цирель С. В. QWERTY-эффекты, path dependency и закон Седова, или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 3. С. 54.

¹⁸ Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 92–101.

на изменчивость и непредсказуемость среды. Эта закономерность была исследована американским экономистом Н. Н. Талебом (антихрупкость), который для обозначения непредсказуемого фактора, потенциально способного разрушить негибкую систему, ввел метафору «Черного лебедя»¹⁹, активно используемую уже как понятие в социальных науках. В контексте теории самоорганизации проблему появления новых форм идентичности следует рассматривать как механизм гомеорезиса – свойство сложных саморазвивающихся систем сохранять траекторию развития в неустойчивых условиях (И. И. Шмальгаузен²⁰): множественная идентичность появляется тогда, когда в ситуациях фазового перехода социальной динамики (формирования нового уровня сложности – глобального мира, взамен мира локальных цивилизаций или мир-систем (И. Валлерстайн [20])) возникает недостаточность личностного разнообразия для одновременного решения многочисленных разнотипных функциональных задач в изменяющемся социуме. Причем закон (правило) избыточного разнообразия, выведенный А. П. Назаретяном, позволяет предположить, что именно избыточность форм идентичности обеспечивает способность социальной системы преодолевать кризисы непредсказуемости, представляя собой механизмы «антихрупкости». Правило избыточного разнообразия заключается в том, что «шансы системы на «прогрессивное» преодоление кризиса с продолжением развития в сторону странного аттрактора во многом определяются тем, какой объем актуально бесполезного – избыточного разнообразия система успела накопить в периоде относительно спокойного развития» [26, с. 243].

Помимо вариативности, обеспечивающей гибкость социальной системы в периоды фазовых переходов, жизнеспособность социальных систем зиждется на качествах и свойствах личности, «сшивающих» многообразие их функций и проявлений – это те качества и свойства, позволяющие сохранять целостность системы на микроуровне и макроуровне. Качества личности, обеспечивающие целостность наименьшей социальной единицы – семьи – это осознание биосоциальной принадлежности, которая делает возможным физическое воспроизводство социальной системы. Качества личности, обеспечивающие целостность макросоциальной единицы – государства, нации, геочивилизации – это осознание гражданской и цивилизационной принадлежности, которые позволяют сохранять устойчивость социальных институтов при их даже кардинальных трансформациях. Как показывают события последних десятилетий (особенно

¹⁹ Талеб Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. М.: Колибри, 2009. 528 с.

²⁰ Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск: Наука, 1968. 223 с.

наглядно это видно на примере стран коллективного Запада), и те, и другие идентичности формируются не только в семье. На их формирование самым мощным образом влияет государственная политика, а проводниками этой политики являются правовая и образовательные системы. Возникновение ювенальной юстиции продиктовано именно необходимостью контролировать процесс становления личности, а изменение образовательных программ – введение в школьные программы курсов сексуального образования в европейских образовательных системах, является реализацией идентитарной политики государства.

Применительно к исследуемой проблеме – проблеме диверсификации самоидентификаций в современную эпоху, закон избыточного разнообразия объясняет всплеск разнообразия идентификаций в кризисные периоды тем, что гибкая, способная к встраиванию в разнообразные социальные структуры личность становится востребованной в периоды фазового перехода от индустриального общества к цифровому, в периоды максимальной неустойчивости социальной системы. О том, что процесс самоидентификации является важным ресурсом обеспечения устойчивости социальной системы и элементом механизма гомеорезиса, свидетельствует появление направления политической деятельности – политики формирования идентичности (см. о государственной политике идентичности [27]). Политико-идентитарные меры, предпринимаемые управленческими структурами, становятся нематериальным ресурсом развития, позволяющим преодолеть разрыв между наличным социально-психологическим комплексом, сформированным актуальной материально-технологической средой, и социально-психологическими свойствами, и качествами личности, востребованными цифровой технологией. На конструктивный характер идентичности обратил внимание еще в 1980-е гг. британский социолог Б. Андерсон, исследовавший происхождение национализма [21]. В российской науке авторы коллективной монографии [22] рассматривают идентичность в этом же ключе – как новый нематериальный ресурс развития. Успешность социальной системы в технологически развитом обществе определяется не столько собственно материально-технической базой и даже не объемом накопленных знаний, а теми социально-психологическими ресурсами, которые позволяют отвечать на непрогнозируемые вызовы. Для того чтобы преодолевать ситуации с Черным лебедем, необходима вариативность личностных типов, формируемых множественной, текучей идентичности [28]. Отсутствие или даже недостаточность актуально бесполезных, избыточных культурных моделей, но перспективных лишь потенциально может привести к фатальным последствиям. Назаретян указывает на эту перспективу: «Фаза опасного снижения устойчивости, когда в силу изменившихся условий наработанные ранее шаблоны жизнедеятельности

становятся контрпродуктивными. Такую фазу мы и выделяем при помощи термина кризис» [26, с. 239].

Однако следствием чрезмерного разнообразия на нижних уровнях социальной системы – множественности идентичностей, предлагаемых современным обществом, становится возрастание неустойчивости системы на верхних уровнях управления. Знаком разрушающего характера такого разнообразия является в том числе «парад суверенитетов», обрушивший относительно устойчивую геополитическую систему, сложившуюся после Второй мировой войны. Поэтому ответом на отмену натуралистических идентификаций стала реакция социальной системы в форме идентизма – новой идеологии, основанной на приверженности традиционным ценностям и натуральной атрибуции личности [22]. В этом контексте конструктивная идентичность как инструмент гомеорезиса имеет не только девелопментарный потенциал: грамотная идентитарная политика может противостоять деструктивным процессам, демпфируя последствия избыточного разнообразия, формируя идентичности, «поддерживающие творческий потенциал человека и возможности социального творчества на основе солидарного взаимодействия между сообществами и индивидами – приверженцами разных убеждений и носителями разных идентичностей» [22, с. 24]. При этом наиболее действенным инструментом идентитарной политики государства была и остается образовательная система. Введение в систему базового образования курсов «Православной культуры», уроков «О главном», а также в систему высшего образования «Основ Российской государственности» является важным шагом в формировании идентичностей, способствующих сохранению устойчивости и созданию запаса прочности социальной системы. Однако понимание уровневой структуры и гомеорезисных функций идентичности заставляет подумать о комплексном и системном подходе к проблеме целенаправленного формирования типов личностей, востребованных цифровым обществом.

Заключение. Современное состояние общественных систем можно характеризовать как «парад идентичностей», оно является следствием преодоления зоны флуктуации – максимальной неустойчивости реформирующейся социальной системы, а феномен самоидентификации следует понимать как элемент механизма гомеорезиса социальной системы. Необходимо также учитывать, что на современном уровне масштабности, сложности и связности общества процесс самоорганизации осуществляется не столько на нижних этапах системы, сколько в управленческих структурах. Поэтому значительно возрастает роль целенаправленной идентитарной политики и образовательной системы как важнейшего проводника этой политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Шмерлина И. А.** Матурана У, Варела Ф. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001 // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 168–179. EDN: PZQNWXX
2. **Bianchini F.** Autopoiesis of the artificial: from systems to cognition // Biosystems. 2023. Vol. 230. P. 104936. DOI: 10.1016/j.biosystems.2023.104936; EDN: JFMWYC
3. **Stano P., Nehaniv Ch., Ikegami T., Damiano L., Witkowski O.** Autopoiesis: Foundations of life, cognition, and emergence of self/other // Biosystems. 2023. Vol. 232. P. 105008. DOI: 10.1016/j.biosystems.2023.105008; EDN: MNIQCC
4. **Ласицкая Э. В.** Концепция автопоэзиса: бытие, познание, деятельность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 4. С. 14–16. EDN: ONGHIL
5. **Нечаева Е. А.** «Аутопойесис» и познание: к проблеме конструирования «новой целостности» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24, № 1. С. 93–98. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-93-98; EDN: XOOHLN
6. **Плебанек О. В.** Парадигмальные основания анализа социальной реальности: монография. СПб.: Петрополис, 2012. EDN: RXHENL
7. **Ломов Б. Ф.** Системный подход и проблема детерминизма в психологии // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 4. С. 19–33. EDN: SAIINR
8. **Барабанщиков В. А.** Системный подход в психологии (К 80-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова) // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 145–151. EDN: PWKHCD
9. **Грачев А. А.** Системный подход и концептуальные основания организационной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023. Т. 8, № 3. С. 4–19. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_28_3_001; EDN: VAFFJM
10. **Крупнов А. И., Митькин А. А.** Системный подход в психологии: от восприятия к личности // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 123–125. EDN: NBEUZB
11. **Беломестнова Н. В.** Системный подход в психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 10-1(48). С. 43–54. EDN: JVGKIF
12. **Беломестнова Н. В., Плебанек О. В.** Сознание и культура в естественно-научной картине мира // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 43–53. EDN: PFPPOF
13. **Казначеев В. П., Спирин Е. А.** Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения: монография. Новосибирск: Наука, 1991. 304 с. EDN: RZYHSX
14. **Винер Н.** Кибернетика и общество: Творец и робот / пер. с англ. М.: Тайдекс Ко, 2003. EDN: QMMOGJ
15. **Князева Е. Н., Курдюмов С. П.** Законы эволюции и самоорганизации сложных систем: монография. М.: Наука, 1994. 236 с. EDN: QZNDPH
16. **Аршинов В. И., Буданов В. Г.** Когнитивные основания синергетики // Синергетика на рубеже XX-XXI вв.: сборник научных трудов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2006. С. 7–54. EDN: NCHDJZ
17. **Плебанек О. В.** Когнитивная стратегия как технология обеспечения жизни // Информатика – Коммуникация – Общество. 2011. Т. 1. С. 220–223. EDN: YLNHHH
18. **Теннис Ф.** Общность и общество / пер. с нем. и комментарии А. Н. Малинкина // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. 206–229. EDN: PZQJXL
19. **Поправко Н. В., Бергер П. Л.** Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива // Социологический журнал. 1997. № 1-2. С. 251–254. EDN: UGAQED
20. **Завалько Г. А. И.** Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ.; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб., 2001 // Философия и общество. 2002. № 3 (28). С. 181–186. EDN: WCMTQX

21. **Исаев С. А.** Рецензия на монографию: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1 (13). С. 246–261. DOI: 10.51255/2311-603X-2017-00041; EDN: YMAMGZ
22. **Семененко И. С., Лапкин В. В., Морозова Е. В.** и др. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь мир, 2023. 512 с. EDN: AGNIZL
23. **Чумаков А. Н.** Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. Изд. 2, испр. и доп. М.: Проспект, 2017. 496 с. EDN: UELLTQ
24. **Назаретян А. П.** Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: (синергетика, психология, футурология). М.: Российский гуманитарный научный фонд, 2001. 239 с. EDN: YUMNIR
25. **Эшби У. Р.** Введение в кибернетику / пер. с англ. Д. Г. Лахути; под ред. В. А. Успенского. 4-е изд. М.: URSS, 2009. 432 с. EDN: QMTPST
26. **Назаретян А. П.** Нелинейное будущее: Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 437 с. EDN: SDDRPD
27. **Попова О. В.** О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110. DOI: 10.31249/poln/2020.04.05; EDN: CGOZKJ
28. **Бауман З.** Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комаров. М.: Питер, 2008. 238 с. EDN: QOABEJ

REFERENCES

1. Shmerlina I. A. Maturana U., Varela F. *The Tree of Knowledge: the biological roots of human understanding*. Transl. from English by Yu. A. Danilova. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2001. *Sociological Journal*, 2003, no. 2, pp. 168–179. EDN: PZQNWY (In Russian)
2. Bianchini F. Autopoiesis of the artificial: from systems to cognition. *Biosystems*, 2023, vol. 230, P. 104936. DOI: 10.1016/j.biosystems.2023.104936; EDN: JFMWYC
3. Stano P., Nehaniv Ch., Ikegami T., Damiano L., Witkowski O. Autopoiesis: Foundations of life, cognition, and emergence of self/other. *Biosystems*, 2023, vol. 232, p. 105008. DOI: 10.1016/j.biosystems.2023.105008; EDN: MNIQCC
4. Lasitskaya E. V. The concept of autopoiesis: being, cognition, activity. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, no. 4, pp. 14–16. EDN: ONGHIL (In Russian)
5. Nechaeva E. A. “Autopoiesis” and cognition: towards the problem of constructing a “new integrity”. *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 93–98. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-93-98; EDN: XOOHLN (In Russian)
6. Plebanek O. V. *Paradigmatic foundations of the analysis of social reality: a monograph*. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2012. EDN: RXHEHL (In Russian)
7. Lomov B. F. A systematic approach and the problem of determinism in psychology. *Psychological Journal*, 1989, vol. 10, no. 4, pp. 19–33. EDN: SAIINR (In Russian)
8. Barabanshchikov V. A. A systematic approach in psychology (On the occasion of the 80th anniversary of the birth of B. F. Lomov). *Questions of Psychology*, 2007, no. 2, pp. 145–151. EDN: PWKHCD (In Russian)
9. Grachev A. A. System approach and conceptual foundations of organizational psychology. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, 2023, vol. 8, no. 3, pp. 4–19. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_28_3_001; EDN: VAFFJM (In Russian)

10. Krupnov A. I., Mitkin A. A. A systematic approach in psychology: from perception to personality. *Questions of Psychology*, 2001, no. 3, pp. 123–125. EDN: NBEUZH (In Russian)
11. Belomestnova N. V. A systematic approach in psychology. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2005, no. 10-1 (48), pp. 43–54. EDN: JVGKIF (In Russian)
12. Belomestnova N. V., Plebanek O. V. Consciousness and culture in the natural science picture of the world. *Questions of Philosophy*, 2012, no. 10, pp. 43–53. EDN: PFPPOF (In Russian)
13. Kaznacheev V. P., Spirin E. A. *The human cosmoplanetary phenomenon: problems of complex study*: monograph. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 304 p. EDN: RZYHSX (In Russian)
14. Wiener N. *Cybernetics and society: The Creator and the robot* / translated from English. Moscow: Tydex Co., 2003. EDN: QMMOGJ (In Russian)
15. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *The laws of evolution and self-organization of complex systems*: a monograph. Moscow: Nauka Publ., 1994, 236 p. EDN: QZNDPH (In Russian)
16. Arshinov V. I., Budanov V. G. Cognitive foundations of synergetics. *Synergetics at the turn of the XX–XXI centuries*: A collection of scientific papers. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2006, pp. 7–54. EDN: NCHDJZ (In Russian)
17. Plebanek O. V. Cognitive strategy as a technology for ensuring life. *Information – Communication – Society*, 2011, vol. 1, pp. 220–223. EDN: YLNHHH (In Russian)
18. Tennis F. Community and society. Transl. from German and comments by A. N. Malinkin. *Sociological Journal*, 1998, no. 3-4, pp. 206–229. EDN: PZQJXL (In Russian)
19. Amendment by N. V. Berger, P. L. Invitation to sociology: A humanistic perspective. *Sociological Journal*, 1997, no. 1-2, pp. 251–254. EDN: UGAQED (In Russian)
20. Zavalko G. A. I. Wallerstein. Analysis of world systems and the situation in the modern world. Transl. from English. Ed. by B. Y. Kagarlitsky, St. Petersburg, 2001. *Philosophy and Society*, 2002, no. 3 (28), pp. 181–186. EDN: WCMTQX (In Russian)
21. Isaev S. A. Review of the monograph: Anderson B. *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Transl. from English by V. Nikolaeva; introduction by S. P. Bankovskaya. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2016, 416 p. *St. Petersburg Historical Journal*, 2017, no. 1 (13), pp. 246–261. DOI: 10.51255/2311-603X-2017-00041; EDN: YMAMGZ (In Russian)
22. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Morozova E. V. [et al.]. *Identity: personality, society, politics. New contours of the research field*. Moscow: Ves mir Publ., LLC, 2023, 512 p. EDN: AGNIZL (In Russian)
23. Chumakov A. N. *Metaphysics of globalization. Cultural and civilizational context. Second edition, revised and expanded*. Moscow: Prospekt Publ., 2017, 496 p. EDN: UELLTQ (In Russian)
24. Nazaretyan A. P. *Civilizational crises in the context of Universal history: (synergetics, psychology, futurology)*. Moscow: Russian Humanitarian Scientific Foundation, 2001, 239 p. EDN: YUMNIR (In Russian)
25. Ashby, U. R. *Introduction to Cybernetics*. Transl. from English by D. G. Lahuti; ed. by V. A. Uspensky. 4th ed. Moscow: URSS, 2009, 432 p. EDN: QMTPST (In Russian)
26. Nazaretyan A. P. *Nonlinear future: Mega-historical, synergetic, and cultural-psychological prerequisites for global forecasting*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013, 437 p. EDN: SDDRPD (In Russian)
27. Popova O. V. On unsolved problems of the theory of state identity policy in Russian political science. *Political Science*, 2020, no. 4, pp. 86–110. DOI: 10.31249/poln/2020.04.05; EDN: CGOZKJ (In Russian)
28. Bauman Z. *Fluid modernity*. Transl. from English by S. A. Komarov. Moscow: Piter Publ., 2008, 238 p. EDN: QOABEJ (In Russian)

Информация об авторах

А. Г. Конфисахор, доктор политических наук, доцент, доцент Института психологии, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48).

О. В. Плебанек, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политической психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9).

Information about the authors

Alexander G. Confisakhor, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Institute of Psychology, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (191186, St. Petersburg, Moika River Embankment 48).

Olga V. Plebanek, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Political Psychology Department of St. Petersburg State University (199034, St. Petersburg, University Embankment, 7–9).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the article for publication.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Поступила: 14.03.2025

Received: March 14, 2025

Одобрена после рецензирования: 18.04.2025

Approved after review: April 18, 2025

Принята к публикации: 12.05.2025

Accepted for publication: May 12, 2025